

ББК 60.543.132.1

Е. Н. Яркова

УТИЛИТАРИЗМ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СМЕНЕ ПОКОЛЕНИЙ

Понятийный аппарат современной отечественной социальной философии столь омонимичен, что обращаясь к той или иной даже широко обсуждаемой проблеме, а проблема роли интеллигенции в российском обществе, несомненно, принадлежит к числу таковых, необходимо каждый раз уточнять значение используемых понятий.

Итак, словом «интеллигенция» мы будем именовать социальную страту, представители которой занимаются умственным трудом, несут в массы новые знания и отличаются от интеллектуальной элиты тем, что являются не столько генераторами идей, сколько их трансляторами.

Помимо этого, важнейший постулат, от которого будут отталкиваться наши рассуждения о роли российской интеллигенции в трансформации российского общества, — представление об интеллигенции как агенте модернизации, призванном аккумулировать и тиражировать новые технологии деятельности и социального взаимодействия.

Утилитаризм можно рассматривать трояко — как направление этико-философской рефлексии, моральную доктрину и тип обыденной нравственной культуры. В нашем случае

© Яркова Е. Н., 2016

Яркова Елена Николаевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета. mimus.lena@mail.ru

речь будет идти о нравственной культуре, под которой мы подразумеваем совокупность норм, действующих в той или иной социальной группе.

Определяющей характеристикой нравственной культуры утилитарного типа является возведение принципа полезности — направленности на достижение социального и/или индивидуального благополучия, а следовательно, и счастья — в универсальную максиму поведения¹. Симптоматично, что актуализация подобного рода нравственных ориентаций совпадает с активизацией в обществе модернизационных процессов, что связано с такой спецификой утилитаристской нравственной культуры, как ее нацеленность на социальный прогресс, понимаемый как увеличение счастья, богатства людей; квалификация новых технологий и изобретений как источников богатства общества².

Модернизация в данном контексте понимается не узко — как переход от аграрного общества к индустриальному, а широко — как перманентный процесс социально-экономического обновления.

Опираясь на приведенные дефиниции, а также учитывая тот факт, что профессиональная деятельность «работников умственного труда» (учителей, врачей, инженеров) является по преимуществу пользо-ориентированной, направленной на благо человека и общества, можно констатировать, что утилитаризм как тип нравственной культуры «генетически» присущ интеллигенции, он составляет значимую часть ее профессионального этоса.

Однако вся сложность проблемы заключается в том, что утилитаризм, как таковой, внутренне неоднороден. А. С. Ахиезер различает умеренный утилитаризм, характеризующийся «стремлением увеличить получение благ путем их уравнительного перераспределения, путем кражи, захвата, нищенства, социального иждивенчества», и развитой утилитаризм, характеризующийся «осознанием связи роста благ и личных усилий по их добыванию, производству»³. Следуя логике Ахиезера, можно выделить две разновидности утилитаризма — экстенсивный и интенсивный.

Утилитаризм экстенсивного (потребительского) типа в качестве основного способа достижения благосостояния утверждает наращивание благ за счет их перераспределения, присвоения, накопления. Он распадается на два подтипа: индивидуалистский

(эгоистический), абсолютизирующий личную пользу, частный интерес, и коллективистский (альтруистический), абсолютизирующий общую пользу, интерес общественный.

Утилитаризм интенсивного (производительного) типа в качестве основного способа достижения благосостояния утверждает повышение эффективности процессов благопроизводства, совершенствование технологий производственной деятельности. Одним из важнейших условий его становления и значимым ценностно-смысловым его элементом является представление о взаимозависимости частной и общественной пользы, убеждение о необходимости согласования частных и общественных интересов.

Теоретически интеллигенции, в силу ее модернизаторской миссии, присущ утилитаризм интенсивного типа. Однако на практике всё обстоит не столь однозначно. Исторический опыт свидетельствует, что интеллигентский утилитаризм может регрессировать до уровня экстенсивности. Анализ и обобщение этого опыта позволяют сформулировать гипотетическую объяснительную конструкцию, в рамках которой эксплицируются основные факторы, обуславливающие актуализацию интенсивных или экстенсивных форм интеллигентского утилитаризма. Суть этой конструкции можно свести к следующим двум тезисам:

1) в обществах, модернизация которых носит автохтонный, опирающийся на внутренний потенциал общества, характер, ее субъектами являются представители разных социальных слоев, и соответственно, общенациональная польза понимается как сбалансированное сочетание частного и общего интересов, интеллигентский утилитаризм отливается в интенсивные формы;

2) в обществах, модернизация которых носит аллохтонный, опирающийся на привнесенные извне образцы, характер, ее субъектом является тот или иной слой общества, соответственно, общенациональная польза редуцируется к интересам этого слоя, формируется тенденция деградации интеллигентского утилитаризма к состоянию экстенсивности.

Как представляется, предложенная объяснительная конструкция может служить теоретическим ориентиром изучения утилитаризма российской интеллигенции в смене ее генераций.

Утилитаризм российской радикальной интеллигенции досоветского периода: от популизма к большевизму

Российская модернизация досоветского периода, по мнению ряда исследователей, осуществлялась по имперской модели: субъектом модернизации выступала правящая элита, ее нравственным двигателем был государственный интерес, главной задачей — насаждение западных технологических образцов, способствующих росту военного могущества страны, повышению ее экономического потенциала и международного авторитета⁴. В таком контексте массы людей рассматривались большей частью как человеческий материал, необходимый для ускоренного развития страны, соответственно, проблема народного благосостояния, а тем более блага отдельно взятого простого человека, осмыслялась, в лучшем случае, как второстепенная, решаемая по остаточному принципу, либо как несуществующая, следовательно, вовсе не решаемая. Именно по этому сценарию осуществлялись в России социально-экономические реформы XVIII—XIX вв.

В результате почти двух веков такого рода модернизационной политики развитие разных слоев российского общества отличалось такой асинхронностью, что они, условно говоря, находились в разных культурных эпохах: массы крестьянства пребывали в прошлом — во власти традиционализма; европеизированная интеллектуальная элита вдохновлялась либеральными идеалами будущего, правящая элита, а вместе с ней и предпринимательство, колеблясь между этими крайностями, руководствовались по преимуществу принципом ситуационной пользы. Такая социокультурная диспозиция стала определяющим фактором формирования нравственной культуры российской интеллигенции, процесс становления которой как особой социальной страты завершается в России во второй половине XIX в.

Несомненно, идеалы интенсивного утилитаризма присутствовали в этой нравственной культуре — стремление содействовать благу человека и процветанию общества, профессиональное призвание и гражданский долг перед отечеством были для российской интеллигенции не пустым звуком. Рупором такого рода идеалов можно считать тургеневского Базарова, убежденного,

что основным способом достижения социального благосостояния и счастья является «труд на пользу общества». Однако уже в 60-е гг. XIX в. зримой становится тенденция снижения интеллигентского утилитаризма к экстенсивным формам, что выражалось в увлечении агитационно-революционной деятельностью в ущерб деятельности профессионально-трудовой, что, в свою очередь, ведет к превращению значительной части интеллигенции в анклав оппозиционности и радикализма. Об этом уходе российской радикальной интеллигенции от практических проблем и земных нужд к пропагандистской риторике не без сарказма писал М. Гершензон: «Что делала наша интеллигентская мысль последние полвека?.. Полвека толкутся они на площади, голоса и перебраниваясь. Дома — грязь, нищета, беспорядок, но хозяину не до этого. Он на людях, он спасает народ, да оно легче и занятнее, нежели черная работа дома»⁵. Приверженность российской интеллигенции «элементарному», «нигилистическому» утилитаризму отмечали Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и другие веховцы⁶.

Одной из значимых причин деградации интеллигентского утилитаризма стала проблематичность реализации возложенной на интеллигенцию модернизаторской миссии. Ее просветительская инновационная деятельность наталкивалась на непреодолимую преграду — бедность, невежество, суеверия, враждебность народных масс. Причем это не было временным явлением, отторжение интеллигенции народной средой продолжается вплоть до XX в. Например, В. В. Вересаев пишет: «Кто хоть сколько-нибудь знаком с положением нашей деревни, тот не будет спорить, что ее бедность и некультурность совершенно закрывают доступ к ней обыкновенному вольнопрактикующему врачу»⁷.

Не менее проблематичными были отношения интеллигенции с предпринимательством, которое в силу своей малочисленности, односторонне-сырьевой специализации экспорта, а также ориентации на использование западной техники и технологий и, соответственно, склонности к использованию труда западных интеллектуалов, не особо нуждалось в услугах отечественной интеллигенции⁸.

Реакцией значительной части интеллигенции на подобно-го рода профессиональную невостребованность как народом, так и предпринимательством становится формирование двух

исторических форм экстенсивного утилитаризма — популизма и большевизма. Эту ситуацию В. Г. Хорос объясняет следующим образом: «Чувство фрустрации, овладевающее безработной образованной молодежью, легко перерастает в оппозиционность»⁹.

Разумеется, между популизмом и большевизмом существовали определенные различия, тем не менее, большевизм был прямым наследником популизма, плодом его «генных мутаций». О каких мутациях идет речь?

Традиционно термином популизм обозначают идейно-политические течения, защищающие интересы простого народа. Российский популизм в этом плане не был исключением. В качестве главной смысловой опоры популизма выступала идея «блага народа», «народной пользы», которая усилиями идеологов русского популизма — А. Герцена, Н. Чернышевского и др. конкретизируется как общинный, крестьянский социализм. Основным способом достижения «народного блага» представлялась крестьянская революция, которая была призвана установить принципы общинного производства, эгалитарного распределения и реального демократизма. В конце 60 — начале 70-х гг. XIX в. популизм превращается в массовую идеологию российской разночинной интеллигенции.

Конечно, популизм «шестидесятников» был явлением внутренне неоднородным, шедшая в народ интеллигентская молодежь свои задачи понимала по-разному: одни видели свою миссию в осуществлении народного просвещения, улучшении жизни народа, другие считали главным популяризацию социалистических идей в народной среде, третьи предполагали поднять народ на революцию немедленно. При этом идея блага народа объединяла и, в той или иной мере, спланировала ряды интеллигентского слоя России. Однако шаг за шагом для значительной части народнической интеллигенции, ее революционного крыла, идея «блага народа» отходит на второй план, уступая позиции идее «блага революции» — необходимости захвата власти и уравнительного перераспределения частной собственности. Эту метаморфозу интеллигентского утилитаризма иллюстрируют слова Н. А. Бердяева: «...интересы распределения и уравнивания в сознании и чувствах русской интеллигенции всегда доминировали над интересами производства и творчества»¹⁰.

Так революция из средства превращается в цель, тогда как сам народ всё более воспринимается в качестве средства осуществления этой цели. Страдания народа в таком контексте осмысляются как нечто в высшей степени полезное, поскольку они служат интересам революции. Эту транспозицию целей и средств хорошо иллюстрирует устав народнической революционной организации «Народная расправа»: «У товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но убежденное в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможны только путем всеограждающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобшению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию»¹¹. В лоне интеллигентской нравственной культуры происходит соединение несоединимого — принципиальности и беспринципности, иступленной преданности одной идее и конъюнктурной гибкости в выборе средств ее осуществления. Именно эту гремучую смысловую смесь фанатизма и цинизма, описываемую Ф. М. Достоевским в его пророческом романе «Бесы» как революционное беснование — готовность обогать, убить, предать во имя «правого дела», наследует у народнической интеллигенции интеллигенция большевистская.

Характерной чертой нравственной культуры последней стало соединение полярных качеств: ригоризма и конформизма, максимализма и оппортунизма. Такого рода двуличность была свойственна многим большевистским лидерам. Ее воплощением являлся В. И. Ленин, о котором А. Луначарский писал: «Ленин имеет в себе черты гениального оппортунизма, то есть такого оппортунизма, который считается с особым моментом и умеет использовать его в целях общей всегда революционной линии»¹². Не лишен этой двойственности был и Г. В. Плеханов, утверждавший, что «успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться»¹³.

Использование идеалов, бытующих в той или иной социальной группе, как средства, при помощи которого эта группа

может быть вовлечена в борьбу за достижение поставленной цели, и стало тем «троянским конем», который помог большевизму одержать политическую победу. Сила большевистского утилитаризма заключалась в том, что предметом утилитарного манипулирования он делал сами утилитарные ценности — именем блага народа совершались самые жестокие антинародные акции.

Утилитаризм советской интеллигенции: от социализма к псевдолиберализму

Следующей страницей в истории модернизации России является модернизация в СССР, суть которой заключалась в превращении аграрной по преимуществу страны в индустриальную державу.

В качестве нравственного движителя индустриализации выдвигается особая социально-историческая форма нравственной культуры — социалистическая (коммунистическая). Коммунистическая нравственность рассматривалась официальной идеологией как итог и высшая ступень развития нравственной культуры человечества, как беспрецедентное выражение гуманизма. В рамках официальной марксистско-ленинской этики утилитаризм квалифицировался как нечто принципиально чуждое социалистической нравственности, как буржуазная, филистерская мораль. Однако по своей сути социалистическая (коммунистическая) нравственность была утилитарной, поскольку в ее рамках нравственное достоинство поступков оценивалось с точки зрения их пользы для строительства коммунизма¹⁴. Показательно, что термин «социалистический утилитаризм» использовал А. В. Луначарский, полагающий, что социалистический утилитаризм следует отличать от мещанского, которому «свойственны вершковые и грошовые черты. У нас каждая польза, даже самая маленькая, связана, в конце концов, с гигантской полезностью — именно с социалистическим строительством во всем его целом»¹⁵.

Конечно, социалистическая нравственная культура являла собой некоторую особую, специфическую разновидность утилитаризма, эклектически соединяющую элементы утилитаризма экстенсивного и интенсивного типов.

Роль основания в его сложной смысловой конструкции играл принцип уравнилельно-распределительного коллективизма. Концептуальное оформление этот принцип находит в теории слияния частного и общественного интересов, согласно которой противоречия между индивидом и коллективом, благом человека и благом народа в коммунистическом бесклассовом обществе полностью преодолеваются. При этом оговаривалось, что в условиях перехода от капитализма к коммунизму, когда еще сохраняется различие общественных и личных интересов, принцип коллективизма требует приоритета первых над вторыми. Таким образом, фактически аннигилировалась идея индивидуальной пользы, частного интереса во имя идеи всеобщей пользы, общественного интереса.

В роли вершины выступали достижительные ценности, облаченные в форму «социалистического соревнования», «великого почина», «встречного плана». Важным рычагом производственного энтузиазма и трудового героизма являлась идея конкуренции с буржуазным миром, призванная компенсировать отсутствие частного интереса.

Если учесть тот факт, что принцип пользы общества не противоречит принципу пользы индивида, то возникает закономерный вопрос — чем же был вызван столь радикальный антииндивидуализм? Изучение истории советской России показывает, что движущей силой социалистической индустриализации служили интересы государства, которое объявляло себя выразителем интересов народа. Например, В. Логинов пишет: «Сталин, отождествив социализм с обобществлением, а обобществление с огосударствлением, стал сами этапы строительства социализма мерить уровнем этого огосударствления»¹⁶.

Итак, идея «блага народа» во многом имела декларативный смысл, она была призвана нейтрализовать всякие попытки артикуляции иных, кроме государственного, интересов. Реальной силой, несущей в таком раскладе угрозу сложившейся иерархии интересов, мог быть только частный интерес. Именно поэтому государство и партия объявляют поход против всех проявлений индивидуализма, частной пользы, которые квалифицируются как симптомы пошлого бескрылого мещанства.

В сущности, социалистический утилитаризм был искусственно сформированной, соединяющей несоединимое, лишенной механизмов саморазвития моральной утопией. Ее нравственным героем был трудоголик, аскет и коллективист, лишенный эгоистических интересов, движимый исключительно жадой общественно-полезной деятельности, рассматривающий государственный интерес как личный. В силу своей внутренней противоречивости социалистический утилитаризм не мог «произрасти» из глубин массовой нравственной культуры, его необходимо было насадить подобно новой религии, новому культу. Агентами, пропагандистами, распространяющими социалистические ценности, призваны были стать представители новой социалистической интеллигенции. Соединяя профессиональную деятельность с агитационной, советская интеллигенция была обязана обеспечить одновременно технологический и нравственный ресурс социалистической индустриализации, т. е. не только организовывать производство, но и увлекать трудящихся социалистическими идеалами. При этом социалистический утилитаризм был риторически достаточно гибкой доктриной, с одной стороны, делающей народные массы в той или иной степени восприимчивыми к инновационным идеям, с другой стороны, вселяющей в них уверенность в том, что, служа государству, они служат народу. Повсеместно популяризируя политику государства, внушая простым трудящимся, что польза государства и есть польза самого народа, что государство выражает интересы народа даже в тех случаях, когда государственная деятельность мало походила на таковую, социалистическая интеллигенция, по сути, была призвана выполнять функцию несущей опоры рабоче-крестьянской власти.

Разумеется, для осуществления этой миссии требовалась особая — «рабоче-крестьянская» интеллигенция. С целью создания таковой правительство принимает решение о реорганизации высшего образования в стране, по замыслу оно должно было стать «кузницей кадров новой социалистической интеллигенции». Реформа образования осуществлялась в двух направлениях — идеологизации, в целях которой создаются партийные и комсомольские организации вузов, призванные заниматься идеологической работой в среде студенческой молодежи, а также курировать содержание учебных программ и курсов; и демократизации, сводившейся

к пролетаризации-крестьянизации студенческой аудитории. Необходимо отметить, что как идеологизация, так и односторонняя демократизация вели к снижению профессионального уровня специалистов. Впрочем, профессиональная компетентность и не рассматривалась как определяющий показатель качества подготовки «работника умственного труда», идеологическая подкованность представлялась более значимой.

Тем не менее, утилитарная эволюция советской интеллигенции носила, условно говоря, прогрессивный характер: пропагандиста-агитатора всё более вытеснял специалист-профессионал. Такая метаморфоза во многом была инициирована партийной и правительственной элитой, которая под нажимом потребностей индустриализации была вынуждена ослаблять идеологическую часть интеллигентской доктрины профессионального призвания и усиливать профессиональную. В результате утилитаризм советской интеллигенции от поколения к поколению претерпевает значительные изменения. Применительно к интересующему нас вопросу можно говорить о трех поколениях интеллигенции, чей утилитаризм существенным образом отличался друг от друга, — интеллигенции «сталинской эпохи», интеллигенции эпохи «хрущевской оттепели» и интеллигенции периода «застоя».

К началу 40-х гг. было сформировано первое — «сталинское» поколение советской интеллигенции. В отличие от досоветской радикальной, советская интеллигенция не была оппозиционной, напротив, это были преданные государству служащие. Каким образом партии и правительству удалось избежать хронического недуга российской интеллигенции — оппозиционности? Ответ на этот вопрос очевиден — интеллигенция не могла выступать против социалистического государства, прежде всего потому, что социализм был ее собственным кредо — массированная индоктринация студентов в вузах принесла свои плоды. Определенную роль сыграли и другие средства пропаганды, в частности важнейшее из искусств — кино. Например, идеальным слепком идеологических канонов и примером для массового подражания служила судьба главной героини кинофильма «Светлый путь» Тани Морозовой, которая из неграмотной деревенской девушки

превратилась в передовую ткачиху, борца с вредителями, участницу стахановского движения, а затем и инженера.

Однако программа воспитания новой социалистической интеллигенции на самом деле не была и не могла быть выполнена до конца. Ментальность советского интеллигента не являлась чистым оттиском идеологических штампов, даже в условиях жесткой идеократии интеллигентская культура сохраняла определенную ценностно-смысловую автономию. Советский интеллигент по своей нравственной сути был паллиатом: наполовину винтиком государственной машины, наполовину приватным лицом. Например, специфическим проявлением не вписывающегося в рамки «официального утилитаризма» было утилитарное отношение к советской идеологии. Овладение идеологическим дискурсом представлялось средством достижения успеха, условием продвижения по лестнице карьеры. По мнению исследователей, «молодые люди проявляли интерес к языку идеологии как капиталу, который функционировал в поле установления баланса власти»¹⁷. В определенной мере в русле этого утилитарного манипулирования идеологическими постулатами зарождались ростки критического к ним отношения, рефлексии.

Интеллигентский утилитаризм периода «хрущевской оттепели» можно рассматривать не столько как совершенно новую форму утилитаризма, сколько как частичную модификацию утилитаризма интеллигенции сталинской эпохи. В этот период осуществляется отход от гипертрофированного коллективизма, происходит гуманизация социалистического утилитаризма, в его ценностно-смысловое пространство просачивается идея блага человека. По мнению исследователей, целостность «советский народ» подвергается флуктуациям, поскольку «люди перестали себя чувствовать винтиками машины и рассыпавшиеся механические детали почувствовали себя людьми»¹⁸. Частичная реабилитация идеала личной пользы, который создает определенный противовес идеалу пользы государственной, становится источником роста утилитаризма, накопления элементов утилитаризма интенсивного типа. Происходит усиление профессиональной, позитивистской составляющей интеллигентского утилитаризма. Герой «оттепели» — профессионал, увлеченный не столько абстрактными идеалами мировой революции и метафизикой классовой

борьбы, сколько физикой в широком и узком смысле слова. Происходит изменение статусных ориентиров — политическая подкованность отходит на второй план, уступая место профессиональной компетентности. Нарастает степень специализации труда интеллигенции, партийно-пропагандистская деятельность, которой занимаются выпускники партийных школ и вузов, в определенной мере отделяется от собственно профессиональной, которой занимается техническая, гуманитарная интеллигенция. При этом деловые качества, практицизм, умение успешно решать конкретные практические задачи переходят в разряд, условно говоря, важнейших добродетелей. Этот процесс находит отражение в литературе и искусстве — врачи, геологи, инженеры, учителя становятся героями художественных произведений, в которых воспеваются подвиги не революционные, но профессиональные. Идея мировой революции меркнет на фоне идеи научно-технического прогресса, кажущейся более привлекательной. Предметом поклонения становится наука, которая рассматривается не столько как орудие политического господства или инструмент классовой борьбы, сколько как средство облегчения и улучшения жизни человека.

Такое перерождение советской интеллигенции во многом было инициировано самой партией, советским государством, которое по мере продвижения социалистической индустриализации всё более нуждалось в подготовленных специалистах. Неэффективность, низкая продуктивность коллективистских моделей деятельности заставляла снимать жесткое табу на проявления частной инициативы, индивидуализма. Однако последние несли серьезную опасность дезинтеграции централизованной системы социализма. Страх потерять управление гигантским советским Левиафаном заставляет возвращаться к исходным позициям.

Динамика интеллигентского утилитаризма эпохи «застоя» носит регрессивный характер — социалистический утилитаризм постепенно превращается в риторический симулякр, под покровом которого зреет новая для российской интеллигенции форма утилитаризма — экстенсивный, абсолютизирующий частный интерес, индивидуальную пользу.

Политическое руководство страны предпринимает меры по усилению идеологической работы с интеллигенцией. В вузах

появляется новая дисциплина «научный коммунизм», основное назначение которой — внушение идеи «прогрессирующего единства личности и общества»: «...успех личности — это и успех общества, у которого нет иных целей, кроме служения интересам личности, удовлетворения ее разносторонних потребностей... При этом следует иметь в виду, что в основе единства личности и общества лежат *общественные интересы*, отсюда вытекает необходимость подчинения личных интересов интересам общества»¹⁹. Однако попытки реанимации идеалов социалистического утилитаризма в интеллигентской среде малоуспешны вследствие осознания его декларативности, понимания того, что «общее благо» только лозунг, которым прикрывается движимая своими частными интересами партийно-правительственная верхушка.

Важнейшей причиной деградации утилитаризма интеллигенции эпохи «застоя» становится медленное сворачивание модернизационных процессов, связанных с нефтяным бумом 70-х гг., усиление экспорта нефти на Запад лишало руководство страны каких-либо стимулов к модернизации хозяйственной и общественной жизни.

В среде интеллигенции актуализируются антидостижительные установки: формальное отношение к профессиональным обязанностям, работа «для галочки», «халтура», «туфта», принцип «не высовываться». Типичным становится двойной стандарт поведения: публичного — по логике общественной пользы, и частного — по логике частной пользы. Параллельно растет отчуждение интеллигенции от государства, превращение ее в значимую оппозиционную силу.

После «Пражской весны» 1968 г. ширится и крепнет диссидентское движение. Однако очевидно, что в среде интеллигенции оно вдохновляется не идеей баланса интересов, гармонии частной, общественной, государственной пользы, его смысловым ориентиром становится идея пользы индивида. Абсолютизация частного интереса ведет к актуализации утилитаризма экстенсивного типа. Энергия большинства диссидентствующей интеллигенции направляется на подрыв устоев социализма и советского государства, что касается строительства новых форм общественного и государственного бытия, то этот вопрос остается вне поля зрения многих ее представителей. Новым кредо теперь

уже антисоветской интеллигенции становятся идеалы поверхностно понимаемого либерализма — псевдолиберализма, панацеей от всех социально-экономических болезней представляются принципы «государства как ночного сторожа» и «свободного ценообразования». Вдохновляющим «тихую революцию» начала 90-х гг. девизом интеллигенции становится лозунг «Из мрачного коммунистического тупика к светлому царству либерализма»²⁰.

Утилитаризм постсоветской интеллигенции: от псевдолиберализма к меркантилизму

Постсоветская модернизация — явление, вследствие неизбежной для исследователя исторической дальнорзости, пока недостаточно четко различимое. Именно поэтому мы ограничим наш анализ роли интеллигенции на этом отрезке развития российского общества первой, связанной с 90-ми гг., волной модернизации.

Главным событием 90-х гг., оказавшим влияние на формирование постсоветской интеллигенции в России, стали либеральные реформы. Чьими интересами были движимы эти реформы?

В своей эпохальной речи на V Съезде народных депутатов Б. Н. Ельцин следующим образом обозначил ценностные ориентиры «радикальных рыночных реформ»: «Российская Федерация должна будет вести самостоятельную политику, действовать исходя из национально-государственных интересов, а не по навязанному ей шаблону. Настало время практических действий во имя и на благо каждого россиянина, во имя и на благо каждой российской семьи, во имя и на благо Государства Российского!»²¹ Однако, как показало время, эти намерения не были реализованы не только в силу отсутствия «минимального консенсуса большинства заинтересованных лиц относительно этих реформ», но и по причине непонимания основной массой населения своих интересов, патерналистской привычкой полагаться на государство как на их выразителя и защитника. В результате приватизация превратилась в «прихватизацию», об этой метаморфозе пишет А. Б. Чубайс: «Безусловно, захват собственности осуществлялся в интересах наиболее сильных — представителей партийной, директорской, региональной и отчасти профсоюзной элит»²².

Конечно, можно по-разному трактовать либеральные реформы 90-х, однако бесспорным является тот факт, что они привели к технической деградации экономики, усилению ее сырьевых ориентаций, полной стагнации модернизационных процессов. Понятно, что в таких условиях модернизаторская миссия интеллигенции становится не просто неосуществимой, но не нужной и даже невозможной в силу того, что правящая элита уже не рассматривает себя как субъекта модернизации, а вновь сформированное предпринимательство, вследствие как объективных, так и субъективных факторов, еще не является таковым. Р. З. Сагдеев отмечает, что «интеллигенция оказалась никому не нужна»²³. В результате такого «стечения обстоятельств» формируется новое, играющее серьезную роль в современной России, поколение российской интеллигенции — интеллигенция 90-х. Нравственная культура значительной части этой генерации интеллигенции формируется в результате мутаций псевдолиберализма, его превращения в обывательский меркантилизм. Суть этих мутаций выражается в реинтерпретации принципа «блага человека» в принцип «своего собственного блага», «личной выгоды» и, соответственно, полной аннигиляции принципа «блага общества». Превращение своекорыстного интереса в универсальную максиму поведения ведет к столь серьезной деформации значительной части интеллигенции 90-х, что для ее обозначения используется понятие «постинтеллигенция». Причем речь идет не о перерождении индустриальной «интеллигенции» в постиндустриальный «когнитариат», а о вырождении интеллигенции в филистерство, наполнении ценностно-смыслового пространства интеллигентской нравственной культуры мещанскими добродетелями — «умением вертеться», «делать деньги», «работать на себя». Аналитики полагают, что «психология современного постинтеллигента снижается до рефлексов рядового торговца, взяточника и карьериста... На смену идеалам просвещения и освобождения пришли официальные рекомендации “расслабиться и получать удовольствие”»²⁴. Профессиональная компетентность в таком смысловом контексте ставится значительно ниже меркантильных способностей. Значимой приметой 90-х становится не просто уход значительной части интеллигенции

в предпринимательство, но превращение профессиональной деятельности учителя, врача и т. д. в деятельность, условно говоря, предпринимательскую, подчиненную «идеологии барыша» (В. Распутин). Нет необходимости говорить о серьезных последствиях такого рода подмены — даже теоретически передача социальных функций одной структурной единицы другой, согласно классическому функционализму, ведет к неизбежной дезорганизации всей социальной системы²⁵. Таким образом, постинтеллигенция, подобно популистской, большевистской, диссидентской интеллигенции в России является оппозиционной. Однако эта оппозиционность носит специфический, латентный, тотально антисоциальный, изнутри разъедающий общество характер. Например, Ж. Т. Тощенко, отвечая на вопрос «Есть ли у нового поколения постсоветской интеллигенции установка на служение народу?» — пишет: «Этот вопрос вызывает большие сомнения, ибо господствует широко распространенная установка на личное благополучие. И хотя сама по себе такая установка не является чем-то ошибочным или неприемлемым, но отсутствие при этом общественно значимых ориентаций делает человека социально ущербным, односторонним и даже опасным для общества»²⁶.

Итак, возвращаясь к объяснительной схеме, изложенной в начале нашей статьи и представляющей собой гипотезу, с учетом предпринятого исследования необходимо сделать несколько заключительных замечаний.

Первое. Как представляется, предложенная гипотетическая объяснительная конструкция находит достаточно обширный, обосновывающий и подтверждающий ее исторический материал.

Второе. Тем не менее, как выдвигаемая номотетическая схема, так и ее идеографическое разворачивание являются лишь одним из возможных способов толкования социальных процессов, связанных с интеллигенцией как социальной стратой российского общества.

Третье. Объясняя причины возникновения такого деструктивного феномена, как «вечная оппозиционность» российской интеллигенции, эта концептуальная схема не включает в себя знаний относительно механизмов его преодоления, поскольку проблема достижения социального консенсуса — путей

гармонизации интересов различных групп и слоев российского общества — выходит за рамки предлагаемой читателю статьи и требует специального исследования.

Четвертое. Исследование модификаций утилитаризма российской интеллигенции в череде ее поколений может служить одним из источников знаний относительно стратегий модернизации современной России.

Примечания

- ¹ Яркова Е. Н. Массовый утилитаризм как импульс динамики общества // *Общественные науки и современность*. 1998. № 6. С. 51—63.
- ² Scollon R., Scollon S. *Intercultural Communication : a Discourse Approach*. Oxford, 2001. P. 115.
- ³ Ахиезер А. С. Россия : критика исторического опыта : слов. Новосибирск, 1998. Т. 2 : Теория и методология. С. 522—523.
- ⁴ Фомина А. С. История модернизации в России. М., 2003. С. 25—29.
- ⁵ Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990. С. 84.
- ⁶ Вехи. С. 7, 116.
- ⁷ Вересаев В. В. Записки врача // Полн. собр. соч. : в 4 т. М., 1985. Т. 1. С. 394—395.
- ⁸ Шильникова И. В. Иностранцы специалисты на предприятиях России: условия найма в конце XIX — начале XX в. // *Историко-экономические исследования*. 2009. Т. 10, № 2. С. 25—42.
- ⁹ Хорос В. Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 84.
- ¹⁰ Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. С. 7.
- ¹¹ Нечаев С. Катехизис революционера. URL: http://www.textfighter.org/raznoe/History/Article/nechaev_s_katehizis_revolutsionera_istorii_rossii.php (дата обращения: 31.03.2016).
- ¹² Луначарский А. В. Сочинения : в 8 т. М., 1965. Т. 6. С. 45.
- ¹³ См.: Второй съезд РСДРП : протоколы. М., 1959. С. 181—182.
- ¹⁴ Словарь по этике. М., 1981. С. 356.
- ¹⁵ См.: Силуэты : политические портреты. М., 1991. С. 9.
- ¹⁶ Логинов В. Репертуар истории: распад или мобилизация // *Диалог*. 1991. № 6. С. 97.

- ¹⁷ Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология : учеб. М., 1998. С. 160.
- ¹⁸ Брусиловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля. М., 2001. С. 34.
- ¹⁹ Начальный курс научного коммунизма. М., 1975. С. 12.
- ²⁰ Яковенко И. А. Интеллигентщина // Рубежи. 1997. № 10—11. С. 22.
- ²¹ Выступление президента РФ Б. Н. Ельцина на V Съезде народных депутатов РСФСР. URL: <http://www.ru-90.ru/node/497/> (дата обращения: 31.03.2016).
- ²² Приватизация по-русски / под ред. А. Б. Чубайса. М., 2000. С. 32.
- ²³ Сагдеев Р. Интеллигенция проиграла троечникам // Известия. 2001. 23 янв.
- ²⁴ Тарасов А. Постинтеллигенция: второе десятилетие позора и вырождения. URL: <http://znanie-vlast.ru/arch/09/znan446pl.pdf> (дата обращения: 31.03.2016).
- ²⁵ Яркова Е. Н. История и методология науки. Тюмень. 2007. С. 246—262.
- ²⁶ Тощенко Ж. Т. Интеллигенция и интеллектуалы: современные реалии // Социология. 2012. № 1. С. 28.